

Т. Б. Сиднева⁴

РОССИЯ И КИТАЙ: ВСЕОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕЖИВАНИИ ИСТОРИИ

Взрачиваемая веками наивная склонность представителей западной цивилизации «считать себя представителями всего человечества»⁵ опровергнута временем. Интенсивный процесс «нового открытия» Востока, охвативший в последние десятилетия все сферы культуры, отражает не только давнее признание самобытности восточных цивилизаций, понимание глубины их традиций и мощных ресурсов развития. Обнаруживается необходимость активного и многосоставного диалога Запада и Востока — диалога, который остается актуальной и сложной задачей. Россия как «великий Восток-Запад» (по определению Н. Бердяева) существует на стыке двух цивилизационных путей мировой истории. Находясь в «пограничной» ситуации, российская культура обладает особой открытостью и готовностью к «встрече» с иными традициями. В пространстве диалога культур сегодня одной из самых продуктивных сфер является взаимодействие Китая и России. Многовековой взаимный интерес двух цивилизаций перерастает в интенсивное и многоаспектное сотрудничество.

⁴ Проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, заведующая кафедрой философии и эстетики, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Искусство как метафора бытия», «Диалектика границы в музыке», «Человек творческий: философия, психология и социология творчества» (в соавт.); учебных пособий «Эстетика постмодернизма», «Эстетика». Главный редактор журнала «Актуальные проблемы высшего музыкального образования», член редсоветов журналов «Ценности и смыслы», «Общества теории музыки», «Opera musicologica». Член Союза композиторов России, председатель Нижегородского отделения Российского культурологического общества.

⁵ Zuckerkandl V. The Sense of Music. Princeton Univ. Press, 1971. P. 18.

Свидетельством этого диалогического процесса стали совместные научные проекты, фестивали искусств, просветительские акции, крепкие связи в образовании (академические и студенческие обмены, практика «двойных» дипломов, общие учебные планы и программы). В России сегодня обучается 37 тыс. китайских студентов. Массовый характер приобрело обучение китайских граждан в российских художественных вузах «эксклюзивным» специальностям (композиция, фортепиано, вокал, инструменты симфонического оркестра). Безусловное большинство иностранных обучающихся в музыкальных вузах России составляют граждане КНР. Российское музыкальное образование в Китае лидирует среди самых востребованных и престижных творческих специальностей. Тому есть множество причин: природная музыкальная одаренность нации, универсальность музыкального искусства (музыка не требует «перевода», и несовершенное владение языком, как правило, не является серьезным препятствием для ее понимания). Китайские музыканты участвуют и побеждают в творческих конкурсах, становятся лауреатами и дипломантами фестивалей. Возможно, наряду с иными основаниями имеет непреходящее значение и понимание роли музыки, определенное Конфуцием как священное, государственное дело, основа воспитания нравов и чувств человека.

Более 7500 российских граждан получают вузовское и послевузовское образование в Китае. Растет популярность изучения китайского языка с России и русского — в Китае. Открываются центры межкультурного обмена традициями и обычаями, проводятся межнациональные праздники, расширяют свою деятельность центры изучения профессионального искусства (в частности, Центр русской музыки в Шанхае). В ряду символически значимых событий — постановка оперы Тан Цзяньпина «А зори здесь тихие» (по по-

вести Б. Васильева) в Пекине, которая вошла в программу государственного празднования 70-й годовщины победы над фашистской Германией в 2015 году, а в последующие годы была представлена в Санкт-Петербурге и Москве.

Основа этого масштабного и многоаспектного сотрудничества — родство российского и китайского культурных кодов, которое отражено как в высших формах интеллектуальной деятельности (науке, искусстве, образовании), так и в повседневной среде.

Заметим, что понятие «культурный код» утвердилось в гуманитарном знании именно в его интегративной природе, фиксирующей его плотную сопряженность со всей «вертикалью» жизненного пространства: с языком, национальной памятью, традициями, символическими структурами сознания, ценностно-коммуникативными стратегиями, моделями поведения человека, «лексиконом» культуры и т. п. В. С. Степин на основе понимания культуры как системы кодов, а также описания процессов кодирования в культуре обосновал зависимость каждой сферы жизни от «доминирующих культурно-генетических кодов, репрезентирующих базисные ценности соответствующих типов общества»¹.

Культурный код, будучи ключом к пониманию определенной модели культуры, в единстве ее геополитической, ментальной, этнической, языковой, религиозной, эстетической самоидентификации позволяет иметь возможность понимания иных ценностей и смыслов.

В то же время известно, что само родство культурных кодов еще не гарантирует продуктивности взаимодействия культур. Не степень общего или различного определяет интенсивность диалога. Необходима взаимная настроенность на диалог, на обнаружение и выработку механизмов «встречи» традиций. Среди множества обоснований этого приведем аргумент, сформулированный А. А. Громыко. Обращаясь к известному библейскому сюжету, он отметил: «Бог, разрушив Вавилонскую башню, одарил народы лингвистическим и культурным разнообразием. Мир был бы много беднее, если бы мы разговаривали на одном языке и наши культурные отличия были бы несущественными»². Для возможности диалога необходимо важное условие — «взаимная заинтересованность участников ситуации в сообщении и способность преодолеть неизбежные семиотические барьеры»³. «Диалогическая ситуация» (которая, по концепции Ю. М. Лотмана, «предшествует реальному диалогу и даже существованию языка для него»⁴) задана в отношениях Китая и России многими параметрами. Особенно явно испытание взаимной диалогической настроенности происходит в сложные периоды истории.

¹ Степин В. С. Социальные системы и методология прогнозирования их будущих состояний // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 178.

² Громыко А. А. Возродится ли европоцентризм в XXI веке // Этнос: нормы и ценности в эпоху глобализации : науч. конф., Лондон, 14 октября 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 48–49.

³ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Семносфера. СПб. : Искусство-СПб, 2004. С. 268.

⁴ Там же.

В истории наших государств было много трудных поворотных событий, которые вызывали к жизни необходимость мобилизации не только материальных ресурсов, но и духовных сил. Таковы драматические 1940-е годы: и Китай, и Россия практически одновременно защищали свои земли от агрессоров, в сложнейших условиях отстаивали суверенность своей национальной культуры. Годы борьбы Советского Союза с гитлеровским фашизмом совпали со временем героической освободительной борьбы китайского народа с японскими захватчиками. И в Советском Союзе, и в Китае это были годы высокой мобилизации физических и духовных ресурсов. С целью сплочения нации в сопротивлении агрессору, укрепления патриотических чувств по всей стране проходили различные творческие мероприятия, создавались произведения «на злобу дня», музыка исполнялась на фронте и в тылу, звучала по радио, на концертных площадках. Поддержка искусства в сложнейшей ситуации стала одной из важных стратегических задач наших государств. В этом сходстве времени, пробудившем родство и близость строя чувств, утверждалась особая консолидирующая роль искусства. Отраженный в искусстве опыт военного времени — периода Японо-китайской войны в Китае и Великой Отечественной войны в Советском Союзе — стал важным фактором осознания миссии художника в обществе, неотделимости художественного сознания от почвы, национальной истории народа, нравственности, духовности. Этот опыт стал предметом многих современных совместных научно-художественных проектов, что открыло новую интересную страницу диалога российской и китайской культур. Практически во всех крупных городах — как России, так и Китая — существуют регулярные художественно-творческие проекты, посвященные взаимному познанию и освоению национальных традиций, стилевых направлений, творчества художников.

В русле общих тенденций недавно прошел фестиваль в Китае, посвященный искусству военного времени. В январе 2024 года делегация Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки принимала участие в Российско-китайском фестивале патриотической музыки в Чунцине — городе, который был временной столицей Китая в период Японо-китайской войны. Среди организаторов фестиваля, включавшего концерты, мастер-классы, лекции и конференцию, были профессора Чунцинского педагогического университета — выпускники Нижегородской консерватории. Интересным моментом на фестивале было восприятие открытой лекции для преподавателей и студентов университета «Вехи истории России: музыка в годы Великой Отечественной войны», прочитанной автором данного доклада. Активное обсуждение лекции показало, что российское искусство не просто известно в Китае, но музыка включена в национальный художественный опыт. Неожиданным открытием для российской группы участников фестиваля стало то, что китайской аудитории советская музыка хорошо знакома. При демонстрации видеозаписей песен Великой Отечественной войны китайская аудитория подпевала хором, зная мелодии и поэтические тексты песен.

А разговор о знаменитой «Ленинградской» симфонии Дмитрия Шостаковича, хорошо известной китайским музыкантам, сопровождался упоминанием подобного музыкального подвига китайского композитора: создания в военном 1944 году симфонии Ма Сыцуна. Важной приметой проекта, посвященного патриотической музыке, стал энтузиазм представителей молодого поколения в их приятии русской музыки, в знании советских песен, в желании учиться у российских преподавателей.

Одним из важных итогов этого фестиваля (как и многих подобных проектов, осуществленных в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Магнитогорске, Пекине, Шанхае и других городах) стало стремление привлечь внимание к сложнейшему периоду жизни двух стран и понимание нашего глубокого родства художественного переживания истории.

Д. С. Лихачев в качестве одного из важных аргументов поступательного развития и совершенствования художественной литературы отмечал «расширение мирового опыта»¹, его географических и хронологических границ. Это утверждение справедливо и для ис-

кусства в целом: национальный художественный опыт основан на диалектике всеобщего и особенного. Он не развивается «в одиночку», изолированно, мы постигаем собственные традиции через инонациональные события.

Художественные контакты России и КНР, скрепленные родством культурных кодов и «встречной» диалогической настроенностью, позволяют не только проникнуть в ценности собственного прошлого или прошлого других стран. Важный смысл этого процесса заключается во взаимном духовном обогащении, которое состоит в единстве знания и мотивации, способности щедро передавать знания и обогащаться инонациональным опытом. В художественном диалоге это позволяет превратить искусство в площадку многомерного общения (обмен профессиональным художественным опытом, проведение партнерских фестивалей, проектов, привлечение к опыту художественного переживания истории наших стран) и осознать его как мощную консолидирующую силу. Только тогда локальный художественный опыт может стать «ценностью мирового порядка»².

¹ Лихачев Д. С. Культурология : избр. тр. по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 104.

² Там же. С. 106.